Цитируемые источники

1. 'History will forgive us'. – 18/07/03
2. No more 'I know best', says Blair. – 14/02/05
3. Peter Mandelson's speech on a new consensus for Europe. – 13/01/05

УДК 821.161.1

Р.С. Переславцева

МОТИВ *ЗНАНИЯ / НЕЗНАНИЯ* В ЗАПИСКАХ «НА ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ» В.В. ВЕРЕСАЕВА

В статье рассматривается тема русско-японской войны 1904–1905 гг., недостаточно изученной в отечественном литературоведении. Анализируется образ войны, оптический код и мотивы знания // незнания как маркер японской и русской армий в записках В. Вересаева «На японской войне».

Русско-японская война, В.В. Вересаев, оппозиция знания // незнания (зрячести // слепоты).

The article considers the theme of Russian-Japanese War of 1904th – 1905th, poorly studied in Russian literature criticism. An image of war, an optical code and a motive of knowledge // ignorance are analyzed as markers of Japanese and Russian armies in V. Veresaev's notes 'On Japanese War'.

Russian-Japanese War, V. Veresaev, opposition of knowledge//ignorance (ability to see//blindness).

В отечественном литературоведении долгие годы тема русско-японской войны была «забытой». С одной стороны, это объясняется тем, что она потерялась в информационном и событийном потоке русской революции 1905 г. и последующих общественно-политических реформ. На фоне этих событий, происходящих здесь и сейчас, в России, русско-японская война, прогремевшая на далеких и малоизвестных широкой публике рубежах за непонятные интересы, представлялась «глупой и преступной колониальной авантюрой» [4, с. 155], закончившейся неожиданным позорным поражением отечественной армии. Последний факт послужил закономерным прологом к событиям 1905 г. Например, русская революция и пролетарские массы в романе Андрея Белого «Петербург» соприродны «желтой опасности», грозившей, по мнению панславистов, с Востока. Во-вторых, свою роль сыграла Первая мировая война, а также последовавшие за ней революционные события и война гражданская. В результате осмысление результатов русско-японской войны оказалось на периферии историко-литературного процесса. В-третьих, попытка «забыть» русско-японскую войну объяснялась и причинами ментального характера, «национальным унижением» [2, с. 29]. Е.С. Сенявская цитирует выступление И.В. Сталина 2 сентября 1945 г., который «напомнил советскому народу все обиды, нанесенные России Японией», подчеркнул, что «отторгнутые в 1905 г. территории будут возвращены СССР» и «мы сможем считать нашу Отчизну избавленной от угрозы… японского нашествия на востоке» [7, с. 59].

Первые попытки осмысления и отображения реалий русско-японской 1904 – 1905 гг. современниками предпринимаются в публицистике, дающей непосредственный взгляд на события, документальной и художественно-документальной прозе: докладных записках, отчетах, письмах, дневниковых записях, записках с фронта, очерках, репортажах, мемуарах. Не исключение и записки В.В. Вересаева «На японской войне».

Актуализация «документальности» в русской литературе начала XX в., «в условиях стремительных радикальных перемен эпохи», по мысли Т.Г. Симоновой, обусловлена «огромной потребностью в достоверном знании о мире, полностью удовлетворить которую невозможно за счет обычных средств информации» [8, с. 3]. Жанровым особенностям документальной прозы посвящены работы Л.Я. Гинзбург, А.А. Тесля, О.Е. Егорова, Н.А. Богомолова, Т.И. Ерохиной, Л.М. Пивоваровой, Т.А. Карпеевой и др.

Записки «На японской войне» основаны на личных наблюдениях автора, ставшего свидетелем и участником русско-японской войны. Авторская точка зрения в произведении идентична точке зрения повествователя – врача Викентия Викентьевича, призванного в действующую армию и отправленного с полевым подвижным госпиталем в Маньчжурию.

Устойчивыми характеристиками русско-японской войны для писателя становятся определения «ненужная» и «непонятная» [1, с. 3], [4]. С этими определениями корреспондируют также образы «сна», «незрячести», «ловушки» и «смерти», которые получили развернутое воплощение в цикле В. Вересаева «Рассказы о японской войне».

По мысли автора, ни разрыв дипломатических отношений между странами, ни подрыв японскими минами «спавших боевых судов», ни гибель «Варяга» и «Корейца» не дают ответа на главный вопрос: «Из-за чего началась война?» [1, с. 3]. Незнание причин войны представлено тотальным, всеобъемлющим – «никто не знал» [1, с. 3]. «Неведение», «незнание» России того, что происходит за ее пределами, свидетельствует не только о ненужности данной

войны, но и о непонятности, необоснованности державных притязаний России на Востоке. Во многом точка зрения В.В. Вересаева перекликается с утверждением В.И. Ленина о колониальном характере войны со стороны России.

Государственная политика не ставит своей задачей разъяснить жителям причины войны («непонятна своей ненужностью» [1, с. 4]), обращаясь к тиражированию традиционных шаблонов, цель которых сформировать образ войны отечественной, т.е. справедливой. Писатель отмечает «воинственный жар» газет, «кричащих» об «адском вероломстве», «азиатском коварстве» врага [1, с. 3], уличные манифестации и лубочные картинки, которые предстают элементами «непонятного» карнавала («околоточные и городовые» переодеваются в манифестантов, выражающих «патриотические восторги» [1, с. 5]), вытесняющего из актуального дискурса на периферию причины и последствия державной политики на Востоке.

В записках «На японской войне» В. Вересаев борется с фальшью и надуманностью «лубочных», «ура-патриотических», «литературных», «красивых» представлений о войне, сформированных под влиянием государственной пропаганды. Война обнажает конфликт между лозунгом и действительностью. С шаблонными образами не совпадает реальная картина мобилизации. Организаторы мобилизации обезличены: «было что-то равнодушно-свирепое в этой **непонятной** (выделено мной. – Р.С.) торопливости» [1, с. 7]. Призывники оказываются в положении бесправной вещи («людей выхватывали из дела на полном его ходу, не давали времени ни устроить его, ни ликвидировать», «за ними оставались бессмысленно разоренные хозяйства и разрушенное благополучие» [1, с. 7].

Абсурдность государственных требований разрушает не только быт призывников, но их жизни и жизни их близких. Например, призывают заводского рабочего, у него жена с пороком сердца и пятеро детей. В итоге жена умирает от приступа, он вешается. Автор приводит пример с призывом вдовца с тремя детьми, который возвратился домой, зарубил детей и пришел снова на призывной пункт. Государство своими неразумными, непонятными распоряжениями, в которых не учитываются элементарные права подданных, превращает законопослушных граждан в убийц и преступников, разрушает упорядоченную жизнь в России: «По всему городу стояли плач и стоны. Здесь и там вспыхивали короткие, быстрые драмы» [1, с. 7]. В. Вересаев описывает, что вопреки здравому смыслу, оставляя в тылу молодых «кадровых солдат», в армию отправляют «запасных», возрастных, обремененных семьей, в силу этого не способных сражаться с полной самоотдачей за непонятные интересы на чужой территории.

Незнание ситуации на театре боевых действий, некомпетентность при мобилизации формируют не сильную, подготовленную, дисциплинированную, готовую сражаться «за веру, царя и Отечество» **армию**, а фактически готовую на любое преступление **толпу**. Солдаты беспробудно пьют и громят лавки и вокзалы, справедливо полагая, что любое наказание будет менее суровым и опасным для жизни, чем пребывание на войне. Тем более, что русская фольклорная традиция искони сравнивала призывника с покойником. «Пускай под суд отдают, – все равно помирать» [1, с. 15]. «Непрерывное пьянство» царит также «в солдатских вагонах» вплоть до Харбина, так как «люди знали, что едут умирать, чем же их было устрашить?» [1, с. 21].

В то же время государственные интересы военных чиновников сводятся к частным разногласиям: «рассказывали, что министр Сахаров сильно враждует с Куропаткиным и нарочно, чтобы вредить ему, посылает на Дальний Восток самые плохие войска» [1, с. 13]. Повествователь приводит факт, когда тридцать семь эшелонов подкрепления задержаны в пути, потому что наместник запретил пропускать ночью составы мимо своего поезда.

Автор показывает, что формальные требования, приказы и циркуляры **государственных** чиновников не совпадают с реальным положением дел на фронте, становятся непонятным в силу своей абсурдности, но неодолимым препятствием для выполнения боевых задач армии. В действующую армию призываются «психиатры, гигиенисты, детские врачи, акушеры», «врачи, давно уже бросившие практику» [1, с. 10].

Ситуация, когда функции военного врача выполнял… акушер, была, по-видимому, типичной. Помимо произведений В. Вересаева она представлена в рассказах Г. Белорецкого, «Дневнике во время войны» Н. Гарина, «Очерках русско-японской войны» П. Врангеля.

В.В. Вересаев отметил одним из первых антагонизм между интересами тыловых служб и «окопной правдой» тех, кто сражался на передовой (позже эта тема будет актуализирована в литературе о Первой мировой и особенно о Великой Отечественной войне). На одной из станций офицер-стрелок рассказывает следующую историю: « –Послал я в интендантство за консервами и ячменем, – не выдали, нужно требование. Написал требование, послал, – возвращаются люди ни с чем: *требование должно быть написано чернилами, а не карандашом!* (курсив автора. – Р.П.)... Так и ушли без всего, а назавтра все склады подожгли!» [1, с. 199].

Чтобы доказать, что авторское восприятие военных событий соответствует достоверности и объективности, а не является «злобным шаржем, пересоленной карикатурой» [1, с. 111]. В. Вересаев включает в повествование документы официального, ведомственного происхождения, фрагменты газетных статей. Например, автор цитирует выдержки из газеты «Новое Время», где приводятся данные, что в 1906 г., уже спустя год после окончания войны, «грузы» с полушубками продолжают поступать в Харбин. Между тем они были отправлены «еще во время стояния на Шахе», то есть в 1904 г. (!), «но до сих пор где-то блуждали» [1, с. 97]. В записках публикуются и телеграммы главнокомандующего русской армией генерала Куропаткина. Последнему,

несмотря на оценки других современников, повествователь дает положительную характеристику: «простой в обращении, без тени бурбонства и генеральства... Замечания его были дельны и лишены самодурства» [1, с. 136]. Как отмечает Т. Симонова, «полная цитация источника подчеркивает важность для мемуариста заключенной в нем информации» [8, с. 91]. Такой цитации, по мнению автора, заслуживают телеграммы главнокомандующего, где ему «приходилось обучать врачей внимательному отношению к больным» [1, с. 99]. Также в записках цитируется приказ главнокомандующего от 17 декабря 1904 г. № 305, направленный на борьбу с «тыломанией». Он обусловлен тем, что офицеры, не желая воевать, обращаются в госпиталь с легкими ранами и заболеваниями, требуют отправки в тыл.

Эти документы еще выразительнее подчеркивают **сдвиг**, происходивший в русской армии, а, следовательно, и в обществе в связи с японской войной: несовпадение официальной точки зрения и реальных фактов, несовпадение приказов главнокомандующего с интересами чиновников и офицеров высшего и среднего звена, несовпадение главной задачи любой войны, которая заключается в том, чтобы победить, с сиюминутным стремлением во что бы то ни стало, даже незаслуженно, получить награду.

Автор, не однажды обращающийся к историко-культурным аллюзиям, связанным с Отечественной войной 1812 и Русско-турецкой войной 1877–1878 гг. (т.е. войной, которая велась на своей земле и войной, цели которой были понятны всему русскому обществу), пишет, что «офицеры, бывшие на русско-турецкой войне, поражались этим обилием наград» [1, с. 216–217]. Например, наместник награждает солдата «Георгием», даже не потрудившись понять из путаного рассказа, как рядового ранили. В действительности же горе-воин угодил под колеса собственной телеги. Пародией выглядит история, как начальник гарнизона выхлопотал «Георгия» солдату, который был ранен шальным снарядом за линией фронта, когда перегонял волов. Часть животных также были ранены. «Эти волы ничуть не в меньшей мере заслуживали георгиевского креста, чем солдат», – с горьким сарказмом замечает автор [1, с. 219].

Награда становится не **знаком отличия**, а еще одной общей, **обесцененной**, **обезличенной, бессмысленной** метой всех, кто участвует в этой «непонятной» и «ненужной» войне. Замечательно этот образ передан в рассказе А. Костенецкой «Родименький», где солдат возвращается безногим и безруким калекой с полей сражений. Он наивно полагает, что от равнодушия детей, предательства жены и родного брата его может защитить «Георгий», говорящий о его героической причастности интересам государства, на защите которых он фактически превращается в никому (в том числе и государству) ненужный «обрубок».

Большую роль в произведениях о русско-японской войне играет оптический код, связанный со способностью ориентироваться на местности и находить врага. В записках В. Вересаева говорится об отсутствии в русской армии корректных карт и планов местности: «Лаоян мы отдали в августе, до этого времени вся страна севернее Лаояна была в наших руках, – и мы не озаботились снять с нее хорошего плана... И вот в деле по Сандепу одною из причин нашей неудачи оказалось … отсутствие хороших карт, неправильное представление о местонахождении деревни Сандепу» [3, с. 186]. Картографической теме уделяется значительное внимание в «Письмах о войне с Японией» Л. Нодо, рассказах И.И. Митропольского, рассказе «Враги П. Инфантьева и др. В рассказе И.И. Митропольского «Удар» адъютант генерала спешно составляет карты и мучается от того, что на нее нанесено «восемь или девять безымянных деревень»: «Первая рота атакует деревню Безымянную», вторая рота атакует деревню Безымянную, третья рота…Тьфу! Бутунда» [5, с. 88].

Отсутствие корректных карт территории ставит под вопрос адекватность притязаний российского государства на эту территорию. Нельзя владеть тем, чего не знаешь. Кстати, эта же тема неосвоенности (тождественная незнанию территории) актуализируется по отношению собственно к России (!) в романе «Ратные подвиги простаков» А.Н. Новикова, посвященном первой мировой войне: «Русское правительство точности предпочитало произвол: оно многим овладевало, но в совершенстве ничего не осваивало. Освоить же российскую территорию было также возможно, как осоюзить кожей валяные сапоги, правители, однако, предпочитали держать нацию босиком» [6, с. 98].

Логично, что незнание, неведение, некомпетентность свойственны на войне не только тем, кто руководит, но и тем, кто подчиняется, – нижним чинам и солдатам.

Рядовые чувствуют себя на войне, слепыми (оптический код), т.е. потерявшими ориентацию в прямом и переносном смысле: «Сами солдаты беспомощно блуждали по местности, не умея **ни пользоваться компасом, ни читать карт** (выделено мной. – Р.С)» [1, с. 129]. **Мотив незнания** находит **буквальное** воплощение в **неграмотности** русских солдат. В записках полковник говорит о японцах: «все они образованные, все солдаты грамотные» [1, с. 27]. В рассказе А.И. Костенецкой «Родименький» герой пишет с фронта: «В Японии солдат учен, как офицер» [3, с. 12]. О всеобщей обязательной грамотности говорит японский солдат русскому в рассказе «Враги» П. Инфантьева.

Еще одной ее проблемой становится проблема идентификации **чужого**, врага в силу того, что **русские его не знают**, так как газетные штампы и образы лубочных картинок не соответствуют реальности. Незнание врага, затрудненность идентификации приводила к анекдотическим ситуациям, когда за чужого принимается **свой, который знает**. Автор приводит историю, когда казак доставляет в штаб человека в русской офицерской форме, утверждая, что тот – японский шпион. Аргументы следующие: «больно хорошо по-русски говорит, а главное, – великолепно знает расположение наших войск» [1,

с. 204]. По мысли В. Вересаева, главное, что отличает японцев от русских, это – **«знание»**, **ясность зрения и мысли**. В отличие от русских в японской армии «у каждого солдата компас, план» [1, с. 27]. В. Вересаев приводит анекдот о том, как генерал не может по карте (!) определить, где квартирует «N-ский полк», а взятый в плен японец ему любезно подсказывает: «N-ский полк стоит в деревне Z» [1, с. 204]. Мотив затрудненности идентификации японского шпиона русскими блестяще показан в рассказе А. Куприна «Штабс-капитан Рыбников».

В интерпретации В. Вересаева армия не только дезориентирована, слепа и нема, обречена на поражение, но, представлена, как старая, ветхая, **непрочная, гнилая** вещь, которая буквально **разваливается на глазах**. Метафорами этой непрочности становятся солдатские сапоги, которые «принимали двадцать пять комиссией», а они «в два месяца истрепались» [1, с. 27]. А также вагон, который железнодорожники бросают посреди степи, потому что уже не подлежит никакому ремонту – «износился», и именно такие вагоны, как отмечает автор, становятся причиной «частых крушений», т.е. катастроф [1, с. 147].

Мотив незнания // знания воплощен и как вариант оппозиции **идея // отсутствие идеи**. Один из персонажей записок полковник рассуждает о том, что **знание**, **идея**, напрямую связаны не только с чувством патриотизма, но и **обусловливают** успешность ведения боевых действий, **победы**. Знание, идея формируют ощущение сопричастности всех воинов служению одной цели, устраняют разобщенности между нижними и высшими чинами, превращают отдельных людей в коллектив, в котором общее, государственное дело торжествует над частными интересами, в отличие от вышеописанной ситуации в русской армии: «**Японские офицеры** отказались от своего содержания в пользу казны, а сами **перешли на солдатский паек**… Жизнью своею никто не дорожит, каждый готов все отдать за родину… Почему? Потому что **у них есть идея**. Потому что **они знают**, за что сражаются. От маршала до последнего рядового, **все** думают только о победе над врагом. И интендантство думает об этом же… А у нас что? Кто из нас знает, зачем война?» [1, с. 27].

Автор подчеркивает: «Она (война. – Р.С.) требует от солдата (впрочем, как и от всех, кто участвует в войне) «разума», **просвещенности, знания**, а он поражает своей «некультурностью и мешковатостью». «Беззаветное мужество, железная выносливость» [1, с. 128] рядовых не могут компенсировать отсутствие разума. Автор приводит рассказ Василия Немировича-Данченко, который «сообщает, что однажды, в частной беседе Куропаткин сказал: «Да, приходится признать, что в настоящее время войны ведутся не правительствами, а народами». Признать это приходилось всякому, имеющему глаза и уши. Времена, когда русская «святая скотинка» карабкалась вслед за Суворовым на Альпы, изумляя мир своим **бессмысленным** (выделено мной. – Р.П.) геройством, – времена эти прошли безвозвратно» [1, с. 132] (т.е. времена, когда солдаты чувствовали себя частью государства, а государство о них заботилось). Между тем, пока офицеры решают вопрос с наградами, как пишет автор: «Роты шли в бой с культурным, образованным врагом под предводительством нижних чинов» [1, с. 105].

Таким образом, при всех вышеописанных «бутафорских» промахах военных чиновников, присущих в той или иной мере всем войнам, главной причиной непопулярности русско-японской войны и, как следствие, поражения в ней России, согласно В.В. Вересаеву, является несовпадение государственных и народных интересов.

Этот процесс оборачивается «непонятными» действиями военных и гражданских властей в тылу и на фронте, потерей страной и ее гражданами пространственной и нравственной ориентации, как на театре военных действий, так и в сфере государственной и частной жизни. Закономерным итогом для России становятся не только стабильные неуспехи на театре военных действий, но дестабилизация государства в целом, а также обесценивание самого феномена жизни до уровня «гнилой картошки» [1, с. 267].

Литература

1. *Вересаев, В.В.* На японской войне. Живая жизнь / В.В. Вересаев. – Мн., 1988.

2. *Грякалова, Н.Ю.* Война на Востоке и кризис европейских ценностей (Евро-Азиатский маршрут Максимилиана Волошина) / Н.Ю. Грякалова // Русская литература. – 2004. – № 3. – С. 29–39.

3. *Костенецкая, А.И.* Родименький / А.И. Костенецкая // Русская мысль. – 1906. – № 3. – С. 1–41.

4. *Ленин, В.И.* Падение Порт-Артура / Полное собрание сочинений. Т. 9 / В.И. Ленин. – М., 1967. – С. 151–159.

5. *Митропольский, И.И.* Удар. Из Маньчжурских рассказов / И.И. Митропольский // Русская мысль. – 1906. – № 10. – С. 87–102.

6. *Новиков, А.Н.* Ратные подвиги простаков. Избранные произведения / А.Н. Новиков. – Воронеж, 2005.

7. *Сенявская, Е.С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества / Е.С. Сенявская. – М., 2006.

8. *Симонова, Т.Г.* Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра / Т.Г. Симонова. – Гродно, 2002.